

ВОСТОЧНЫЙ ЭТНОС

БУРДЖАНЫ В ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ

© 2011

С. И. ХАМИДУЛЛИН

*Проблема идентификации с известными истории этнополитическими образованиями средневековья термина бурджан, используемого арабо-мусульманской историографией и географической литературой, до сих пор является “белым пятном” науки. Этноним и топоним бурджан принято считать арабским названием Дунайской Болгарии. Однако при ближайшем рассмотрении данный тезис не выдерживает критики. Анализ арабских, персидских, армянских, византийских и хазарских источников показывает, что под названием бурджан подразумевался самостоятельный этнос, известия о котором, преломившись под спудом веков, стали ассоциироваться исключительно с булгарами – северокавказскими и дунайскими. На самом деле, бурджаны, повторив судьбу болгар, раскололись на несколько частей и расселились по всей территории Евразии – от Дунайской Болгарии до Мангышлака, породив болгаро-бурджанскую проблему. Некоторые исследователи, сочтя эту проблему неразрешимой, склонились к признанию названного термина следствием *lapsus calami*, однако, этот вывод перечеркивается самим фактом существования живого носителя упомянутого этнонима в лице племени бурджан в составе современных башкир.*

Ключевые слова: Берзилия, Бурджан, болгары, гунны, сувары.

Знакомство европейцев с арабской историографией и географической литературой привело их к выводу о том, что арабские авторы именуют Дунайскую Булгарию Бурджан¹. Й. Маркварт пришел к выводу, что под бурджанами арабских источников скрываются *болгары дунайские* и *северокавказские*, но не волжские, а также – в описании путешествия Харуна ибн Яхьи² в Западную Европу – бургунды [Marquart, 1903, S. 207, 491].

С тех пор точка зрения по данному вопросу почти не претерпела никаких изменений. На вопрос о том, почему арабы именовали дунайских болгар бурджанами, до сих пор нет удовлетворительного ответа. А. Гаркави, комментируя сведения арабских авторов, писал: “...почему эти болгаре носили у западных писателей [название] Burgiani, Burgani и у восточных Бурджан – хорошо указано Шафариком” [Гаркави, 1870, с. 11]. Однако обращение к названному автору ничего не объясняет, так как П. Шафарик просто констатирует, что в античных и средневековых источниках болгары фигурируют под именами “Bulgari, Bulgares, Bulgarkh, Burgari, Burgian, Borgian, Burgan, Borgan, Borgal, Borgar, Burugundi, Wurugundi, Wurgari, Vulgari, Vulgares...” [Шафарик, 1848, с. 273]. Никаких разъяснений относительно взаимосвязи вышеприведенных названий и арабского термина “бурджан” он не дает. На наш взгляд, А. Гаркави, основываясь

¹ К данному выводу пришли авторы XIX в. Энгель, д’Оссон, Катрмер, Дефремери, Мерен [Гаркави, 1870, с. 20].

² Рассказ Харуна ибн Яхьи приводится в сочинении Ибн Русте [Ibn Rustah, 1891, с. 119–130].

на своих выводах о соответствии булгарам названия Wurgonthaib³ в сочинении Павла Диакона, произвольно ставит знак равенства и между этнонимами Wurgonth и бурджан, а следовательно, между последними и булгарами. При этом он не объясняет, каким образом эта цепь умозаключений стала достоянием арабской географии IX в. Учитывая ее “книжный” характер, конечно, можно предположить, что однажды взятое из западной традиции отождествление булгар и бурджан, затем стало веками кочевать по всей арабской литературе IX–XV вв. Однако это не объясняет того, почему ряд арабских авторов наряду с булгарами определенно знали и собственно народ бурджан, как самостоятельный этнос.

Посчитав противоречия в рассуждениях своих предшественников неразрешимыми, Т. Левицки склонился к признанию термина “бурджан” следствием lapsus calami [Lewicki, 1956, с. 24–27]. А В.В. Полосин перевел проблему в иную плоскость, предположив, что “булгар”, “бургар”, “бургаз” и “бурджан” представляют собой четыре разных написания этнонима булгар в арабской литературе, где третья согласная “дж” (ج) в слове “бурджан” (برجان) передает звук “г” (ع). Это вполне вероятное допущение: в диалектах арабского языка звуки “г” и “дж” иногда чередуются. Таким образом, правильнее будет читать не “бурджан”, а “бурган” (برغان). Но В.В. Полосин на этом не останавливается и делает второе допущение: он предлагает также изменить последнюю букву “н” (ن) в слове “бурган” на “р” (ر) и читать “бургар” (برغار) [Полосин, 1971, с. 145]. Словом, он свел историческую булгаро-бурджанскую проблему к частному вопросу филологии [Хамидуллин, 2005, с. 241–244].

Выходит, что народа-носителя этнонима бурджан вообще никогда не существовало и что сам этот этноним был результатом либо lapsus calami (по Т. Левицки), либо фонетических метаморфоз (по В. Полосину). Схожую идею высказала О. Фролова. Основываясь на сведениях аль-Казвини о “беззаконном” и “диком” народе бурджан на крайнем севере, где царит попеременно то полярный день, то полярная ночь, она предположила, что арабский автор в результате описки назвал бурджанами *норманнов*, которые в Испании были известны под названием “лурман” или “lormanes”. По мнению О. Фроловой, арабское начертание этого термина لorman могло легко трансформироваться в “бурджан” (برجان) [Фролова, 1977, с. 195]. Нужно сказать, что приведенные точки зрения опровергает уже сам факт существования живого носителя этнонима бурджан в составе башкирского народа. Следовательно, необходимо искать историческое объяснение данной проблеме.

Уже А.Я. Гаркави подмечал несоответствия между отождествлением Бурджана с Дунайской Болгарией и данными ряда источников: “Правда, что у некоторых арабских географов есть путаница насчет Бурджан, так, Йакут в Большом Словаре говорит, что это область Хазарии и что мусульмане нападали на нее во времена Османа” [Гаркави, 1870, с. 20–26]. Недоумение по поводу сообщения Йакута усиливается, если учесть, что халифат Османа длился с 644 г. по 656 г., т.е. тогда, когда Дунайской Болгарии еще не существовало, а, значит, Бурджан не мог соответствовать ей ни географически, ни хронологически. Поэтому Гаркави относит слова вышеназванного автора к числу недоразумений, полагая, что упоминание владения Бурджан на Балканах большим числом других арабских авторов исключает его бытие на Северном Кавказе в качестве провинции Хазарии. Однако анализ арабских источников говорит в пользу того, что Йакут был далеко не одинок в локализации Бурджана на Кавказе.

Арабская письменная традиция относит появление царства Бурджан к III в. Ибн Хордадбех рассказывает о том, что во времена Ардашира Папакана (220–240), осно-

³ Вторая часть слова Wurgonthaib, как доказал Гримм, возникла из старонемецкого eiba – “край” [Шафарик, 1848, с. 218–219]. Таким образом, название переводится как “страна Вургонт”, под которой, по созвучию, лучше подразумевать бургундов, а не булгар.

вателя Сасанидской династии, среди прочих пограничных с Ираном владетелей был Бурджан-шах [Ибн Хордадбех, 1986, с. 61]. И он не единственный арабский автор, кто относит появление бурджан к периоду поздней античности. Так, Ма'суди, рассказывая об обстоятельствах основания строительства Константинополя, говорит, что этому предшествовал “случай между Константином и кем-то из царей Бурджан”. Римский цезарь вступил в войну с бурджанами, судя по тексту, на востоке Малой Азии, вероятно в Закавказье, после удачного завершения которой принял христианство [Mas'udi, Vol. 1, 1987, с. 317–318]. Ответ на вопрос о местоположении царства Бурджан дает “История” одного из ранних арабских историков Я'куби (конец IX в.). В главе “Царства Севера” (Мамалик ал-Джарби), посвященной генеалогии народов Кавказа и Закавказья, он пишет, что часть потомков Нуха (Ноя) отправилась на север: “И распространились они по той стране, и стало несколько царств: и это – Бурджан, Дейлем, Табар, Тилсан, Джилан, Филан, Алан, Хазар, Дуданийя, Арман...” [Ibn-Wadhih, 1883, p. 203]. Окончательную точку в данном вопросе ставят данные Йакута ар-Руми: “Бурджан: страна из числа областей Хазарии. Звездочеты утверждают, что [страна Бурджан] находится в шестом климате, и ее местоположение – сорок градусов долготы и сорок пять градусов широты; мусульмане нападали на [Бурджан] в дни ‘Усмана – да будет доволен им Аллах!” [Yaqut al-Rumi, 1977, vol. 1, с. 373]. Это сообщение не оставляет места для сомнений относительно местоположения Бурджана, так как мусульмане “в дни ‘Усмана” (644–656) воевали с *хазарами* только на территории современного Дагестана к северу от Дербента, который был военной базой *арабов*.

Выяснив, что название Бурджан впервые фиксируется в Кавказском регионе, остается определить, соответствует ли оно булгарам. Арабские источники не дают ответа на этот вопрос. Однако для этой территории в нашем распоряжении имеются независимые от арабской традиции византийские и армянские источники. Автор IX в. Феофан Византиец писал, что хазары – “великий народ, вышедший из глубин Берзилии, страны первой Сарматии” [Чичуров, 1980, с. 61]. “Отец армянской истории” Моисей Хоренский пишет, что в годы правления царя Вагаршака (193–213) “массы горцев – я разумею хазар и базилов, – соединившись, прошли через врата Чора (Дербентский проход. – С.Х.) под предводительством царя своего Внаспа Сурхапа” [Хоренский, 1893, с. 113]. А так как и Моисей Хоренский, и Феофан говорят об одних и тех же народах – хазарах и *берзилах* (*барслы* или *басилы* армянских источников. – С.Х.), то, следовательно, Берзилия (Берсилия) находилась к северу от Дербента, т.е. там, где арабы помещали Бурджан. Сделать окончательный вывод о географическом тождестве Берзилии и Бурджана помогают арабские источники.

В арабской литературе весьма популярным был сюжет об обстоятельствах постройки иранским шахом Хосровом Ануширваном комплекса укреплений Дербента, заимствованный из пехлевийской литературы. Вкратце его фабула сводится к следующему. Интересы растущего Тюркского каганата и достигшей апогея могущества Персидской державы пересеклись на Кавказе и в Средней Азии, где им противостояла держава *эфталитов*. По Балазури, для заключения антиэфталитского союза “царь царей” *шаханишах* Ануширван и “хан ханов” *каган* Синджибу (Истеми) встретились в местности ал-Баршалия (арабский вариант написания названия Берзилия. – С.Х.) на Кавказе [Баладзори, 1927, с. 6]. Чтобы расположить к себе кагана, Ануширван попросил себе в жены его дочь, пообещав взамен отдать свою. Но затем иранский шах пустился на хитрость, желая выпроводить тюркского кагана с территории Восточного Предкавказья, которую Ануширван, по-видимому, считал зоной влияния Сасанидского государства. Ибн ал-Асир пишет: «Ануширван приказал собрать верных людей, чтобы они подобрались к войску турок с краев и совершили там поджог. И они сделали это. Когда наступило утро, царь турок пожаловался Ануширвану, но тот отрицал, что знает что-либо о происшедшем. Затем Ануширван приказал совершить то же самое и в следующую ночь. Турок поднял шум, но Ануширван отнесся к этому снисходительно

и извинился перед ним. Затем Ануширван приказал устроить пожар в расположении своего войска, а там были лишь лачуги из сена. Когда наступило утро, он пожаловался на это турку. Тот сказал: “Как ты можешь подозревать меня?”. И поклялся турок, что ни о чем не ведает. И сказал ему Ануширван: “Воистину, нашим войскам не понравилось, что мы заключили мир потому, что они лишились добычи из-за отсутствия возможности совершать друг на друга набег. Я боюсь, как бы они не наделали чего-нибудь такого, что могло бы расстроить наши сердца и возратить нас к вражде. Мне кажется, ты должен разрешить мне построить стену между мною и тобою, в которой мы сделаем ворота. Таким образом, никто не войдет к тебе без твоего соизволения, так же и ко мне никто не войдет, кроме того, кого я пожелаю впустить”. И турок согласился с ним. И построил Ануширван стену от моря до вершин гор. И сделал в ней железные ворота и поставил охрану...» [Ibn al-Athir, 1884, с. 196]. Шах и каган обменялись дочерьми. Однако обмен оказался неравноценным: шах получил ханскую дочь по имени Каен⁴ [История..., 1862, с. 39], а хан – приемную дочь шаха. Узнав о подлоге, Синджибу пришел в ярость и бросился в погоню. Но, встретив на своем пути непреодолимую преграду в виде новопостроенной Дербентской стены, ушел восвояси.

В отличие от Балазури и Ибн ал-Асира Табари обходится краткой констатацией: Ануширван “выступил в поход против хайталов (эфталитов. – С.Х.), жажда мести за своего деда Фируза⁵. Еще до этого Ануширван породнился с каганом и написал ему перед своим выступлением, сообщая о своем намерении и побуждая выступить против хайталов” [Tabari, 1939, с. 528]. По Табари выходит, что каган и шах породнились до совместного похода на эфталитов. Но если считать строительство Дербентской стены и женитьбу царей синхронными событиями, как утверждает Балазури и повторяет Ибн ал-Асир, и связывать эти события со встречей государей в Баршалии, то получается, что Дербентская стена была воздвигнута до совместного похода против эфталитов. Однако если каган был так жестоко обманут шахом накануне войны с эфталитами, то тюрко-иранский союз вряд ли бы мог иметь продолжение, в то время как он существовал в течение многих лет. Поэтому, как нам кажется, история, приведенная Балазури, является всего лишь персидским анекдотом о хитрости шаха и глупости кагана, т.е. фольклорной версией реальных исторических событий.

В действительности в местности аль-Баршалия произошло следующее: во-первых, состоялся обмен дочерьми и, во-вторых, был заключен наступательный антиэфталитский союз. Строительство Дербентских укреплений было начато еще шахом Ездигердом II в 439–457 гг. Ануширвану, вероятнее всего, оставалось лишь закончить начатое. Так или иначе, до окончания эфталитской войны, тем более во время стоянки кагана в Баршалии, шах не мог завершить задуманное. К счастью, Ибн ал-Асир изложил две версии происшедших событий – фольклорную, уже приведенную выше, и документальную. Последняя была позаимствована сначала Табари, а затем Ибн ал-Асиром из утраченного сочинения более раннего писателя Хишама ал-Калби (ум. 819). Ибн ал-Асир сообщает: “И пошел он в страну Хайтал (Эфталит), чтобы отомстить за своего деда Фируза. А перед этим Ануширван породнился с каганом. И вошел Хосрой в их страну, убил царя эфталитов и искоренил членов его фамилии⁶. Затем достиг Балха и Мавераннахра. И оставил свои войска в Фергане. Затем возвратился в Мадаин⁷ и

⁴ Каен – по-тюркски значит “Береза”. Ханская дочь стала матерью следующего шаха Ирана – Хормизда IV по прозвищу Турок.

⁵ Шах Фируз был убит “белыми гуннами” (эфталитами) в 484 г.

⁶ Видимо, у эфталитов было несколько царей, так как тот же Табари пишет: “Каган Синджибу был самым сильным, храбрым и могущественным из числа турок и него было больше всех войск. Он был тот, кто вступил в сражение с Варзом, царем хайталов, не уstraшившись многочисленностью и силой хайталов. И он убил Варза, царя их, все его войско, захватил их богатства и овладел их страной, исключая ту ее часть, которая была завоевана Хосровом” (Табари, 1939, с. 526).

⁷ Арабское название Ктесифона, столицы Парфянского царства.

напал на Бурджан”. Чуть ниже Ибн ал-Асир делает уточнение: “И когда укрепились его дела, он воевал Фергану и Бурджан, затем вернулся [из Бурджана] и построил города Шабиран, Маскат и Баб ал-Абваб⁸. И назван [город] “Воротами” потому, что построен на пути в горы” [Ibn al-Athir, 1884, с. 196]. Табари пишет еще более определенно: “Ануширван напал на Бурджан, затем вернулся [оттуда] и построил Баб аль-Абваб...” [Tabari, 1939, с. 528]. Другими словами, иранский шах прошел через Дербентский проход с юга на север, вступил на территорию Бурджана, а по возвращении оттуда воздвиг Дербентские укрепления.

Таким образом, если отбросить фольклорные наслоения, вырисовывается следующая картина: после разгрома эфталитов надобность в тюрко-иранском альянсе отпала, и Ануширван совершил стремительный бросок из Ферганы в Мадаин, а оттуда вторично отправился в Баршалию (по Балазури)⁹ или Бурджан (согласно Табари и Ибн ал-Асиру), дабы берзили/бурджаны, являвшиеся подданными Тюркского каганата, не смогли помешать ему завершить строительство Дербентской стены. Разгромив Бурджан, он исполняет задуманное. Дерзость персидского шаха, возможно, была вызвана смертью Истеми-кагана в 576 г. Сам Ануширван умер через три года, в 579 г. Видимо, в промежутке между смертями этих двух великих государей и была достроена стена Баб ал-Абваба. Учитывая, что в изложении Балазури, Ибн ал-Асира и Табари рассказывается об одних и тех же событиях, происходивших в одном и том же районе, тождество Берзилии/Баршалии и Бурджана очевидно, хотя, как может показаться, не очевидно их фонетическое соответствие друг другу. Поэтому приведем полную сводку вариантов звучания этих названий в арабской, персидской, византийской, армянской, хазарской, русской и западноевропейской традициях.

В арабо-персидской историографии и географической литературе (Я’куби, Табари, Мас’уди, “Худуд ал-‘Алам”, Йакут, Ибн ал-Асир, Ибн Русте, Ибн Халдун и др.) упоминается топоним и этноним Бурджан (برجان). Балазури использует иную форму – аль-Баршалийя (برشلية). И он не одинок: Ибн Русте и автор “Худуд ал-‘Алам” наряду с бурджанами знают племя б.рсула (برصولا) [Ibn Rustah, 1891, с. 141] и б.рзула (برضولا), персидский автор Гардизи – б.рсула (برضولا) [Заходер, 1967, с. 28–36]. Византиец Феофан знает Берзилию, Берзитию, или Белзитию (Βερζιλια / Βερζητια / Βελζητια), а Феофилакт Симокатта – барсельт (Βαρσελτ) [Симокатта, 1957, с. 160]. Армянские авторы упоминают народ *барсил* и связанные с ними город и местность Вараджан, или Варачан. Хазарский царь Иосиф называет в числе десяти эпонимов племен Хазарского каганата имя Би[р]з.л, а также местность В.р.шан [Коковцев, 1932, с. 86, 91]. Как видим, во всех письменных традициях, за исключением византийской, параллельно две фонетические конструкции – Б.р.дж.н (Бурджан, Вараджан, В.р.шан) и Б.р.з.л (Берзилия, Баршалия, Барсил), в которых хорошо различим корень берз, или бурдж, к которому прибавляются суффиксы -ил- или -ан-. Значение корня очевидно: берз/бурдж/бурз являются соответственно древнеиранской, среднеперсидской (пехлевийской) и новоперсидской (фарси) формами слова “высокий”, “великий”, “благородный”.

Предположение о том, что “барсилы, или берсула, – это те же борджане (борджулы)”, впервые было высказано А. Булатовым [Булатов, 1971, с. 323]. Ибн Халдун приводит название племени *бурдж-оглы* (برج أغلا) в составе *половцев* [Сборник..., 1884, с. 539, 541], из которого происходил знаменитый мамлюкский султан Рукн ад-дин Бейбарс. Этноним бурдж-оглы означает “сын Бурджа” и является тюркской

⁸ Баб (“Ворота”), или Баб аль-Абваб (“Ворота ворот”) – арабское название Дербента.

⁹ Балазури, по всей вероятности, смешал воедино два разных похода Ануширвана в Баршалию/Бурджан: первый – с целью женитьбы и заключения союза с Истеми-каганом и второй – с целью строительства Дербентских укреплений. По его рассказу, очевидно фольклорному, все эти события происходят одновременно.

калькой слова берзула, так как суффикс *ула* – (*берз* + *ула*) является индоевропейским уменьшительным формантом (например, *Venezu* + *ela* = “малая Венеция”, *urs* + *ula* = “медвежонок” и т.д.), который существовал и в скифских наречиях Евразии [Абаев, 1965, с.80]. Словом, суффиксы *ула* и *оглы* несут схожую семантическую нагрузку с позиций индоевропейских и тюркских языков. Исходя из этого, следует сделать вывод: корни *берз* и *бурз/бурдж*, являясь вариациями одной протоосновы – *берез*, в сочетании с суффиксами дают формы *берз* + *ула* и *бурдж* + *ан*, из которых первый является индоевропейским уменьшительным суффиксом, а второй – формантом множественности и коллективности в иранских языках.

В русских летописях племя бурдж-оглы (т.е. берзула) названо ордой Бурчевичей: бурч (дж) + евич (формант отчества), что является калькой кипчакского названия бурдж-оглы, которое, в свою очередь, всего лишь калька алано-сарматского *берзула*. Последнее с учетом тюркского и русского семантического ряда также можно перевести как “дети бурзов/берзов/бурджей”. В западноевропейских источниках исследуемый этноним отразился в топониме Бурцеланд, т.е. “земля Бурца (Бурджа), находившаяся на юго-востоке Венгерского королевства, куда переселялись *кипчаки*” [Бубенок, 2004, с. 238] из рода бурдж-оглы. Таким образом, западные источники свидетельствуют в пользу того, что помимо упомянутых форм с суффиксами *-ула-*, *-ан-*, *-евич-* самостоятельное хождение в качестве этнонима имел и сам корень *бурдж*: Бурц + ланд.

Сведения о происхождении народа бурджан/берзула содержатся в “Хронике” Михаила Сирийского (XII в.), согласно которой Берзилия называется “страной алан” [Артамонов, 1962, с. 128; Marquart, 1903, S. 485]. Башкирские этногенетические предания также связывают бурджан с аланами. Одно из них гласит: “Искандер Зуль-Карнайн (Александр Македонский. – С.Х.) был шахом: [выступив] из Рума, он захватил много иранских (“аджам) земель; ...затем в землях Хиндустана взял тысячу округов и сто островов, а оттуда пошел в Чин, из Чина в Хитай, из Хитая к уйгурам, которые были родичами башкир; от них – в Туркестан, оттуда пошел в Хаверстан, оттуда к алан-бурджанам (*الان بُرْجان*), – эти и другие [племена] затем смешались с башкирами...” [Umidbaev, 1897, с. 39]. Примечательно, что историческая память верно отмечает два важнейших факта этногенеза башкирского народа: во-первых, тюркское происхождение собственно *башкир*, которые согласно китайской хронике Суй-шу¹⁰, входили в состав конфедерации *теле* [Togan, 2003, с. 4] и, следовательно, были родичами уйгуров и других *огузских* племен, а во-вторых, иранское происхождение башкирского рода бурджан¹¹. Башкирский историк начала XX в. Мурад Рамзи также отмечает различное происхождение башкир и бурджан: “В наше время осталась от них небольшая группа людей в Орском уезде, именуемая башкурд с добавлением [слова] бурджан; и помимо них (т.е. вышеназванной группы бурджан. – С.Х.), они рассеяны повсюду, где превратились в отдельные народы, но не осталось о них преданий; и не считали их [наши] предшественники башкурдами, а напротив, они упоминаются по отдельности в [посвященных им] статьях; и не считает самих себя сохранившаяся группа [бурджан происходящими] от башкурдов и проявляют сильный племенной дух (“асабийя”)...” [Ramzi, 1907, с. 242].

В середине VI в. племена Северного Кавказа – *берзилы*, *унугуры* и *сабиры* – признали над собой власть *аваров*, отступавших на запад под натиском тюркских войск. Как нам кажется, часть этих племен могла быть увлечена волной аварской миграции в Центральную Европу и на Балканы, где в 562 г. возник Аварский каганат. В начале VII в. каган организует серию походов в пределы Византийской империи. Согласно

¹⁰ В хронике Суй-шу (VII в.) этноним башкир выражен транскрипцией *ба-шу-ки-ли*.

¹¹ Башкирский эпос “Урал-батыр”, передававшийся из уст в уста сказителями рода бурджан, изобилует сюжетными аналогиями с Авестой и Шахнаме: дева-птица Хумай, царь птиц Самрау (Сэнмурв), дракон Каххаха (ажи Даххак).

сочинению архиепископа Фессалоникийского Иоанна “Чудеса святого Димитрия Солунского”, в 616 г. в числе племен, осадивших Салоники, были *берзиты* [Свод..., 1995, с. 125], в лице которых, по всей вероятности, нужно видеть известных северокавказских берзилов. Их переселение должно было вызвать перенос названия Бурджан с Кавказа на Балканы, что и нашло свое подтверждение в арабских источниках.

В 717 г. во Фракии высадилось арабское войско и осадило Константинополь [Мюллер, 2004, с. 587–588]. Табари пишет: “...в год 98-ой [хиджры Пророка] бурджаны напали на Масламу бен ‘Абд ал-Малика...”, хотя, как известно, мусульмане подверглись нападению болгарских войск хана Тервеля. Как видим, путаница в терминологии началась с момента первой встречи арабов с дунайскими булгарами. В вопросе соотношения этнонимов бурджан и болгар большое значение имеют сведения Мас‘уди. Его источник информации относительно Византии и прилегающих к ней стран известен – это араб Муслим бен Аби Муслим ал-Джарми¹², который писал “об истории византийцев и их царей и сановников, об их земле и ее путях и дорогах, о периодах [благоприятных] для набегов на их территорию, о военных походах в ту землю, о соседних с ней [Византийской империей] царствах – Бурджан, Абар, Бургар, Сакалиба и Хазар” [Mas‘udi, 1894, с. 191]. Как видно из цитаты, Муслим ал-Джарми четко разделял царства Бурджан и Булгар. Мас‘уди, используя данные Муслима, следует этому неукоснительно. Рассказывая о походе 100-тысячной армии византийского императора Феофила в 837 г. в глубь территории Малой Азии, захваченной арабами, он пишет: “В этом году – это год двести двадцать третий – выступил Туфил (Феофил. – С.Х.), царь ромеев, с воинами своими, и с ним – цари Бурджан, Бургар, саклабов и других [народов]...” [Mas‘udi, vol. 4, 1987, с. 59]. Из этого отрывка следует, что у бурджан был свой царь, и бурджаны являлись отдельным от ал-бургар (البرغر) и ас-сакалиба (الصقالبة), т.е. болгар и славян, народом.

Аналогичным образом отделяет бурджан от болгар автор персидского сочинения “Худуд ал-‘Алам” (“Границы мира”): “Бурджан – провинция с уделом, называемым Фракия; это благодатное место, весьма благодетельствованное природой, но обладающее малым богатством. В целом же это степь и обработанные земли. Это место благоустроенное и имеющее проточные воды. Это часть ар-Рума и (народ ее) платит харадж царю ар-Рума...”. Автор “Границ мира”, так же как и Мас‘уди, четко отделяет бурджан от болгар, так как ниже приводит сведения о Булгарском царстве: “Булгари – это название народа, живущего на горе Булгари на северо-западе от Рума. Они – неверные. Они тоже румийцы, но состоят непрестанно в войне с остальными румийцами. Эти булгари – горные жители, владеющие полями и большим количеством скота...” [Hudud..., 1962, с. 185–186].

Византийская литература также отделяет дунайских болгар от берзилов. Под 765 г. в “Хронографии” Феофана записано: “...владелец Болгарии послал 12 тыс. войска под предводительством Воилы, увести в плен жителей Берзитии (**Βερζίτια**) и переселить их в Болгарию...” [Летопись..., 1884, с. 326]. Вполне вероятно, что целью этой акции было пополнить население ханства близкородственным булгарам народом на фоне все более усиливающегося преобладания славян. Берзиты вели активную внешнюю политику: в 791 г. берзитский князь Акамир пытался по настоянию греков вернуть престол сыновьям убитого императора Константина: “Акамир – начальник славян в Верзитии, подушаемый жителями Эллады, хотел бы увести сынов Константина и которого-нибудь из них провозгласить царем...” [Летопись..., 1884, с. 347].

¹² Муслим ал-Джарми является едва ли не единственным источником сведений об административном делении Византийской империи для всей арабской географической литературы. Сведения, сообщаемые им, пользуются доверием исследователей, так как он не только жил на арабо-византийской границе, но и успел побывать в византийском плену. Все увиденное там он изложил в не дошедшем до наших дней сочинении.

Опираясь на этот пассаж Феофана, П. Шафарик, хотя и с большой долей неуверенности, объявляет Берзитию славянским княжеством, а самих берзитов – славянами. При этом он делает оговорку, что ее не следует “смешивать с Барзелией, родиной *печенегов* и половцев, лежавшей на пределах Европы и Азии, называемой армянскими писателями и Феофаном Берзилия” [Шафарик, 1848, с. 366]. Однако П. Шафарик затрудняется сказать, “как они собственно назывались: Брезичи или Брежичи”, чем признает чужеродность названия и этноса берзитов [Шафарик, 1848, с. 228]. Н.С. Державин считал, что имя князя Акамира не является славянским [Державин, 1945, с. 170]. Да и сам текст Феофана – Ακαμῆρος ο τὼν Σκλαβίνων τῆς Βελζητίας ἀρχὼν¹³ – можно трактовать по-разному. Как и в Дунайской Бугарии, в Берзитии большинство населения составляли славяне-склавины, а болгары и берзиты были господствующим слоем, из чего не вытекает их славянское происхождение. Шафарик полагал, что княжество Берзития находилось в Македонии, а “может быть даже в Фессалии или Ливадии” [Шафарик, 1848, с. 365]. Так или иначе, проблему этнической атрибуции княжества Берзития и его соответствия Бурджану арабских источников, в отличие от северокавказской Берзилии, пока нельзя признать решенной.

Окончательную точку в вопросе о соотношении Бугарии и Бурджана поставил географ XIII в. Ибн Са‘ид, который написал: “К западу от него (Босфора. – С.Х.) находится город аль-Кустантинийа, который построил Константин, основоположник христианства. И была область [этого города] пастбищами царя аль-Бурсан (برسان). И пришлось ему (Константину. – С.Х.) прибегнуть к уловке, [чтобы построить город]. После того, как было прерваны коммуникации дождями и распутицей, был построен этот город, который стал ставкой кесарей. И не был в состоянии царь аль-Бурсан [что-либо сделать] против этого. Затем погиб аль-Бурсан...” [Ibn Sa‘id, 1958, с. 117–118]. Ибн Са‘ид там же поясняет, по какой причине “погиб Бурсан”: “к северо-западу от него [Константинополя] есть город Бурсан, который был столицей народа, захваченного алманами (алеманами, т.е. немцами или латинянами вообще. – С.Х.). И не осталось о них более упоминаний...” [Ibn Sa‘id, 1958, с. 118]. Арабский автор проявляет осведомленность в византийском вопросе, когда пишет, что правителем аль-Кустантинийа (Византии), в то время Никейской империи, является аль-Ашкри, то есть греческая династия Ласкаридов. Отдельно арабский географ упоминает “город Б.р.гадна, который также называется Бургар”.

Проанализируем сведения Ибн Са‘ида. То, что под Бурсаном он не подразумевал Болгарию, следует хотя бы из того, что в состав Латинской империи, созданной в 1204 г. крестоносцами, территория Болгарии не входила. Тем более ни о какой гибели могущественного Второго Болгарского царства (1185–1396) не могло быть и речи, тогда как арабский автор утверждает, что Бурсан “погиб” в результате нашествия латинян. Обращает на себя внимание и то, что Ибн Са‘ид, в основу сочинения которого был положен труд аль-Идриси “Нузхат аль-муштак”, отходит от установок своего предшественника в части, касающейся Болгарии. Он не только отличает друг от друга болгар и бурджан, но и именует последних термином *Бурсан* (в некоторых рукописях *Буршан*)¹⁴, передавая, тем самым, еще один вариант написания этого этнонима, что говорит в пользу оригинальности сведений Ибн Са‘ида. Как видим, он также считает болгар и бурджан отдельными народами. В свою очередь, тождественность терминов Бурсан и Бурджан подтверждена Абу-ль Фидой: “Буршан – местоположение народа, который именовался Бурджан. В старые времена они обладали славой и могуществом. И напали на них аль-Алманийа и истребили их так, что даже не осталось из их числа ни одного человека и не осталось от них следов...” [Geographie d’Aboulfeda, 1840, p. 211]. Часть берзитов/

¹³ Acamerus Sclauinorum, Belzetiae princeps [Memoria..., 1771–1779, p. 83].

¹⁴ Слово Бурсан, строго говоря Б.р.сан (برسان), по законам арабской фонетики можно читать и как Берсан, что является еще одним доводом в пользу неустойчивости корня берс/берз/бурш/бурдж/бурц/бурч и отсутствия непроходимой преграды между этими формами.

бурджан все же сохранилась: еще в XIX в. на Балканах проживала этнографическая группа македонцев, носившая название бързяцы (бързяки) [Иречек, 1877, с. 111].

Таким образом, арабы, столкнувшись во время хазарских походов VII в. с народом бурджан, вновь встретились с ними в VIII в. во время войн с Византийской империей, но уже на Балканах и в Малой Азии, что и привело к возникновению известной болгаро-бурджанской проблемы. Мас‘уди и автор “Худуд ал-‘Алама”, чьи сведения восходят к ал-Джарми, а также Ибн Са‘ид, составлявший свою “Географию” в значительной степени на основе современных ему данных, считали бурджан и болгар отдельными народами. В сочинениях других авторов наблюдается смешение этих понятий, например у ал-Фазари и ал-Фаргани [Гаркави, 1870, с. 20–26], либо сознательное именование Дунайской Болгарии Бурджаном, как это делает ал-Идриси. Выдающийся сицилийский ученый XII в., прекрасно знакомый с географией Европы, а Средиземноморья в особенности, безусловно зная о существовании двух одноименных царств, во избежание путаницы именуется термином Булгар волжских болгар, а Бурджаном – дунайских. Поздние арабские писатели, например Ибн Халдун, на современной им политической карте мира уже не находят ни Бурджан-на-Балканах, ни тем более Бурджан-на-Кавказе, поэтому они слепо следуют авторитету ал-Идриси: волжских болгар называют их собственным именем, а дунайских – архаическим термином бурджан, давно утратившим свое настоящее содержание. Европейские исследователи XIX и XX вв., придя к выводу о соответствии термина бурджан дунайским болгарам, начали автоматически причислять к болгарам и бурджан Кавказа, не потрудившись дать доказательство их соответствия друг другу.

Выше мы упоминали, что племя бурджан/берзил разделилось на части: часть ушла вместе с аvaraми на Балканы, другая часть осталась на месте и покорилась Хазарскому каганату, который вступил в смертельную схватку с Арабским халифатом. “Дамоклов меч” арабской угрозы на протяжении целого столетия (середина VII – середина VIII в.) держал жителей владения Бурджан в состоянии постоянной тревоги, так как именно его территория представляла собой своеобразный пограничный заслон на пути арабских вторжений. Видимо, этот фактор вынудил часть его населения покинуть территорию Восточного Предкавказья и отправиться в периферийные, а потому более безопасные районы каганата: часть бурджан ушла вместе с болгарами на Волгу¹⁵, другая часть – на Южный Урал, третья – на Мангышлак. Последнюю в XIV в. зафиксировал Абу-ль-Фадл Аллах аль-‘Умари: “И примыкает к Хорезму округлая земля, которая носит название Мангышлак; ее протяженность – 5 месяцев пути, а ширина составляет столько же; вся она представляет собой степь, в которой проживают многочисленные племена Бурджан” [Сборник..., 1884, с. 221, 243; Lech, 1968, S. 147].

Впрочем, вполне возможно, что они никогда не покидали территорию Мангышлака и Северного Приаралья, являвшихся, судя по легендарной генеалогии, прародиной бурджан, чья народность складывалась в недрах древней Алании, или Аорсии (Яньцай китайских источников). В “Шахнаме” внуком туранского царя Афрасиаба назван Бурзевейла (برزوئلا), который спешит на помощь во главе войска к своему деду, окруженному врагами [Шахнаме, 1965, с. 394]. В.Ф. Минорский связывал этот персонаж с племенем берсула [Hudud al-‘Alam, 1937, p. 461]. В генеалогии аль-Калби, отрывок которой сохранилась в энциклопедии Йакута, Бурсул (برسل) назван братом Хуваризма [Yaqut al-Rumi, 1990, vol. 2, с. 390]. Таким образом, древние этногенетические предания связывают берзилов/бурджан с миром ираноязычных кочевников Средней Азии – авестийскими *турами*, а также с *хорасмиями* и аланами.

Переселение бурджан на территорию Южного Урала не осталось незамеченным для археологии. Находки из многочисленных уфимских могильников, датированные VII–

¹⁵ Ибн Русте называет три племени волжских болгар – *булкар*, *исгиль* и *берсула* [Ibn Rustah, 1891, с. 141].

VIII вв., имеют явные северокавказские аналогии [Смирнов, 1957, с. 66]. Современные исследования показывают, что население городища Уфа-2 сформировалось в результате миграции гунно-сарматского населения с территории Волго-Донья [Сунгатов, 1988, с. 104–105]. Примечательно, что первооткрыватель *турбаслинской* культуры Н. Мажитов первоначально связывал ее происхождение с аланами [Мажитов, 1959, с. 42]. Р. Ахмеров [Ахмеров, 1970, с. 171–172] и С. Станчев [Станчев, 1957, с. 128] отмечали несомненные параллели между погребальным инвентарем уфимских погребений и материалами дунайских болгар, но так как письменных свидетельств о пребывании болгар на Южном Урале не было, то эта теория не получила дальнейшего развития. Зато в самом факте наличия в башкирской родоплеменной номенклатуре рода бурджан мы имеем неоспоримое свидетельство древних миграций с территории Кавказа на Южный Урал. Н. Мажитов и А. Султанова пишут, что "...турбаслинские племена принадлежали к выраженному европеоидному типу... По физическому типу турбаслинцы являются прямыми потомками сако-массагетских племен..." [Мажитов, Султанова, 1994, с. 102].

Анализ всего комплекса нарративных, этнографических и археологических источников позволяет утверждать, что носителями турбаслинской культуры, а следовательно, населением городища Уфа-2 на определенном этапе (VII–X вв.) могли быть бурджаны. Примечательно, что этногенетические предания башкир-бурзянцев сохранили память о северокавказской Берзилии. "Род бурзянцев в глубокой древности был разделен на две части, вследствие того что первый их родоначальник или прародитель [по имени Бурджан], имея трех сыновей, меньшего из них любил и уважал больше старших братьев, почему последние, как оскорбленные отцом и имеющие ненависть к младшему брату, оставили навсегда отца, родину и отправились на запад¹⁶. Перейдя реку Дон, они избрали там место для постоянного жительства и составили из себя род, от которого, по преданию, и произошел род знаменитого в свое время кавказского властителя Шамиля¹⁷..." [Бикбов, 1899].

Согласно традиции, в период монгольского нашествия бурджаны были в числе башкирских племен, якобы поддержавших Чингиз-хана в критический момент его политической карьеры. В башкирском средневековом сочинении "Чингиз-наме" среди их предводителей, помимо Майкы-бея (род Табын), Муйтен-бея (род Усерген), Калдар-бея (род Кыргыз), Тамьян-бея (род Тамьян), Урдач-бея (род Минг), Джурматы-бея (род Юрматы), Керейт-бея (род Гирей), Салжиут-бея (род Салжиут), Катай-бея (род Катай), Кыпчак-бея (род Кыпчак), назван и Бурджан-бей. К последнему Чингиз-хан обращается со словами: "О, Бурджан-бей (**بورجان بي**)! Пусть твоим деревом будет дуб, птицей – кучукан (**كوجوكان**), ураном¹⁸ – "Актуган!", тамгой – джагалбай..." [Хальфин, 1822, с. 53].

Таким образом, весь комплекс письменных, этнографических и археологических материалов указывает на то, что этноним бурджан не является "книжным" термином, обозначавшим дунайских и северокавказских болгар, а был самоназванием этноса с собственной традицией государственности, существовавшей на Северном Кавказе в период поздней античности и средневековья (II–VII вв.). Потомки бурджан до сего дня проживают в ряде районов (Бурзянский, Баймакский) Республики Башкортостан, сохраняя свое племенное самосознание.

¹⁶ На самом деле, имел место обратный процесс движения – с запада на восток. Здесь имеет место народное переосмысление реальных событий.

¹⁷ Имам Шамиль был аварцем, которые ныне населяют часть территории древней Берзилии. В предании, записанном Ю.С. Бикбовым со слов неизвестного нам знатока башкирской старины, видно стремление связать предков башкир-бурзянцев с населением Кавказа в лице наиболее выдающейся личности того времени.

¹⁸ *Уран* – боевой клич, который наряду с тамгой, птицей и деревом был одним из атрибутов башкирских (и тюркских вообще) родов и символов власти родовых князей-беев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. *Скифо-европейские изоглоссы*. М.: Наука, 1965.
- Артамонов М.И. *История хазар*. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.
- Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV–VII века н.э. и их место в древней истории Башкирии // *Древности Башкирии*. М., 1970.
- Бикбов. Башкурды. Материалы по истории башкирского народа // *Оренбургская газета*. 1899.
- Бубенок О.Б. *Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.)*. Киев: Истина, 2004.
- Баладзори. Книга завоевания стран // *Материалы по истории Азербайджана*. Вып. III. Баку, 1927.
- Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // *Археология и этнография Башкирии*. Т. IV. Уфа: ОИБФ АН, 1971.
- Гаркави А.Я. *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*. СПб.: Имп. АН, 1870.
- Державин Н.С. *История Болгарии*. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
- Заходер Б.Н. *Кастийский свод сведений о Восточной Европе*. Т. 2. М.: Наука, 1967.
- Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. Баку: Элм, 1986.
- Иречек К. *История болгар*. Варшава, 1877.
- История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века*. М.: Имп. АН, 1862.
- Кокорцев П.К. *Еврейско-хазарская переписка в X веке*. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.
- Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта в переводе В.И. Оболенского и Ф.И. Терновского // *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Кн. 1. М., 1884.
- Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // *Башкирский археологический сборник*. Уфа, 1959.
- Мажитов Н., Султанова А. *История Башкортостана с древнейших времен до XVI века*. Уфа: Китап, 1994.
- Мюллер А. *История Ислама*. Т. 2. М.: Астрель, 2004.
- Полосин В.В. Этноним “булгары” в арабских источниках // *Краткие сообщения VII научной сессии ЛО ИВ АН СССР*. Л., 1971.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. СПб., 1884.
- Симокатта Феофилакт. *История*. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. II. М.: Восточная литература, 1995.
- Смирнов А.П. Железный век Башкирии // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 58. М., 1957.
- Станчев С.Р. Новый памятник древней болгарской культуры // *Советская археология*. № 27. 1957.
- Сунгатов Ф.А. *Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.)*. Уфа, 1998.
- Хальфин И.И. *Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура*. Казань: Типография Казанского университета, 1822.
- Хамидуллин С.И. Булгаро-бурджанская проблема в свете арабо-персидских, армянских и византийских источников // *Материалы конференции “Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России (5-е Валидовские чтения)”*. Уфа, 2005.
- Хоренский Моисей. *История Армении*. М.: Типография В.А. Гатцук, 1893.
- Фролова О.Б. Об этническом названии “бурджан” у арабских географов // *Ученые записки ЛГУ*. № 395. Вып. 20. 1977.
- Чичуров И.С. *Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора*. М.: Наука, 1980.
- Шафарик П. *Славянские древности*. Т. 2. Кн. 1. М.: Типография Московского университета, 1848.
- Шахнаме*. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1965.
- Geographie d'Aboulfeda (texte arabe publie d'apres les manuscrits de Paris et leyde aux prais de la societe asiatique par M.Reinaud)*. P., 1840.
- Hudud al-'Alam*. Tehran, 1962.
- Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D.* / Tr. and expl. by V. Minorsky. L.: Oxford UP, 1937.
- Ibn al-Athir. *Tarikh al-kamil*. Vol. 1. Cairo, 1884.
- Ibn Rustah. *Kitab al-a'lak an-nafisa*. Vol. 7. Leiden, 1891.
- Ibn Sa'id al-Magribi. *Kitab bast al-ard fi-t-tul wa-l-'ard*. Tetuan, 1958.
- Ibn-Wadhah qui dicitur al-Ja'qubi. *Historiae*. Pars prior. Lugduni Batavorum, 1883.

- Lech K. *Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar*. Wiesbaden, 1968.
- Lewicki T. *Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny*. T. I. Wroclawa–Warszawa–Krakow, 1956.
- Marquart J. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903.
- Mas'udi. *Kitab at-tanbih va-l-ishraf*. BGA, ed. M.J. de Goeje. Pars octava. Lugduni-Batavorum. 1894.
- Mas'udi. *Muruj al-dhahab wa ma'adinu-l-jawahir*. Vol. 1, 4. Saida-Beirut, 1987.
- Memoria populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paluden Meotidum, Caucasum, mare Caspium, et inde magis ad septentriones incolentium*. T. II. СПб., 1771–1779.
- Ramzi M. *Talfiq al-akhbar*. Vol. 1. Qazan, 1907.
- Tabari. *Tarikh al-umam wa-l-muluk*. Cairo, 1939.
- Togan Z. *Başkırtların tarihi*. Ankara, 2003.
- Umidaev. *Yadkar*. Qazan, 1897.
- Yaqt al-Rumi. *Mu'jam al-buldan*. Beirut, 1977.